

НАДЕЖДА САЛТАНОВА

КОЛЬЦО ЦАРЯ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос = Рус)6-44
С16

Редактор серии *Л. Латышова*

Художественный редактор *Д. Васильченко*

Салтанова, Надежда.

С16 Кольцо царя / Надежда Салтанова. — Москва : Эксмо, 2026. — 384 с.

ISBN 978-5-04-250597-3

На пороге своей аптеки Нина Кориари обнаруживает смертельно раненного мужчину. Об этом ли она мечтала, едва сумев восстановить свою репутацию после недавней истории с отравленным мальчиком? В предсмертном бреде незнакомец рассказал о кольце, но никаких украшений при нем не обнаружилось. Похоже, аптекарша снова оказалась втянута в опасную интригу — смертельная охота за реликвией началась...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-250597-3

© Салтанова Н., 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

Пролог

Он прижался лбом к камню мощеной дороги, ведущей к Мезе — главной улице Константинополя. Гранит был прохладный, влажный от ночной росы.

— Вставай... — Хриплый голос звучал совсем близко. — Вставай, надо закончить начатое. Дом совсем рядом.

Он не сразу понял, что этот едва слышный голос принадлежит ему самому. Подняв голову, в тающей тьме нашел взглядом дом, к которому надо добраться. Упираясь левым локтем в мостовую, он сильнее прижал правую ладонь к ране на животе и, преодолевая слабость, пополз. Кровь не грела леденеющие пальцы. Боль скручивала, но не давала провалиться в забытие. Камень за камнем, он полз из последних сил по беспощадно длинной улице.

Добравшись до крыльца, он едва смог различить вывеску в свете зарождающегося утра.

Все верно. Он вернулся. Он выполнил свою задачу. Остальное уже в руках Божьих.

Стиснув зубы, рывком подтянул себя к двери и заколотил по вытравленному солнцем дереву из последних сил. Он не мог разжать зубы, чтобы позвать хозяев.

Глава 1

При кровотечениях поможет отвар кровохлебки с крапивой и антеннарией, что еще «кошачьей лапкой» называют. Высушенный корень кровохлебки, сухие листья крапивы и цветки кошачьей лапки, по малой аптекарской мере каждой, добавить в половину секстария еле кипящей воды. Прочитать молитву за здравие шесть раз и снять с огня. Накрыть деревянной доской, остудить и пропустить через тонкую холстину. Пить по глотку, нечасто, так, чтобы до заката весь отвар выпить. Этим же отваром можно и рану промыть. И тряпицу им пропитать да на ране оставить.

Из аптекарских записей Нины Кориари

Нина проснулась на рассвете. Странный звук разбудил ее. Не то мыши опять скреблись на полках, не то кто-то тихонько постукивал в дверь.

Она поднялась, прислушиваясь. Звук прекратился. Нина потерла лицо руками, чтобы стряхнуть остатки сна. Мыши или нет — вставать-то уже все равно надо.

Набросив поверх туники домашнюю столу¹ и небрежно замотав растрепанные свои кудри

¹ Стола — просторное платье, надевается поверх туники (примеч. авт.).

в жгут, она прошла в аптеку. За окном было тихо, улица еще не проснулась, да и солнце едва осветило заспанное небо. Привычно окинув взглядом комнату, Нина заметила, что свет сквозь щель под дверью не пробивается. Насторожившись, она подошла к двери и прислушалась. Снаружи не доносилось ни звука.

Она осторожно отодвинула засов. Дверь распахнулась. В аптеку ввалился человек. Видать, сидел снаружи, на дверь опершись.

Нина ойкнула, прижала руку ко рту. Наклонившись к неподвижному телу, почуяла тяжелый запах. В рассветных сумерках различила залитую чем-то темным одежду. Догадавшись, что пришедший тяжело ранен, аптекарша кинулась к сундуку за чистой холстиной. Схватила с полки отвар крохлебки, в душе чувствуя, что все бесполезно.

Запах смерти был беспощадным и безоговорочным. Нина склонилась над незнакомцем, опустилась на колени. Острым аптекарским ножом разрежала тунику на нем, покачала головой при виде раны. Порез, видать, глубокий, острым оружием нанесен. Крови он потерял много, и нутро, похоже, повреждено.

Аптекарша закусила губу, нахмурилась. Осторожно обтерла рану, прижала покрепче сложенную вчетверо холстину. Кровь уже еле текла. Подсунув руки под спину раненого, Нина попыталась втянуть неподвижное тело внутрь. Сил не хватало.

Мужчина издал хриплый стон.

Нина ахнула, заговорила с ним ласково, но требовательно:

— Как тебя зовут, почтенный? Ты мне отвечай, посмотри-ка на меня. Раз до аптеки дошел, значит, жить хочешь, значит, справимся.

Приговаривая, она присела рядом. Отвела обрезки туники, быстро оглядела поджарое мускулистое тело — нет ли других ран. Поправила сползающую холстину на ране, прижала.

— На меня смотри, не закрывай глаза!

Мужчина приподнял веки, попытался сфокусировать взгляд на лице, склонившемся над ним.

— Вот так, хорошо. Больно тебе, знаю. Ну да ничего, мы сейчас, мы полечим. — Нина говорила ласково, негромко. Отвернулась было за отваром, но раненый прошелестел что-то в ответ.

Аптекарьша склонилась к нему ниже.

— Кольцо... Кольцо забери... — Слова мужчины различались с трудом.

— Кольцо? — переспросила Нина.

— Отдай... — Раненый судорожно дернулся, издав тихий стон, и опять впал в беспамятство.

С улицы донесся негромкий говор. Нина, секунду помедлив, кинулась к открытой двери. На улице стояли два водоноса, заглядывая в ее аптеку и обсуждая кровавый след, что тянулся вдоль домов.

Узнав одного из них, Нина махнула рукой, подзывая:

— Митрон, подсоби мне, сделай милость. Тяжелораненый, мне бы его хоть в аптеку занести, чтобы народ поутру не пугать.

Митрон посмотрел на стоящего рядом приятеля, провел рукой по поясу туники, дернул плечом, вернул взгляд на Нину.

Она с досадой сказала:

— Помоги, видишь — мне его не сдвинуть одной. Заплачу я тебе.

Он перехватил заплечный кувшин, суетливо поставил его у крыльца:

— Отчего же не подсобить. Это я запросто.

Второй водонос неодобрительно оглядел Нину, придерживая лямки плетеного короба с кувшином. Отвел взгляд.

Нина только сейчас сообразила, что простоволосая да растрепанная на улицу выскочила. Обратилась к нему:

— А ты, уважаемый, будь добр, позови стражу и сикофанта¹, скажи, ко мне раненый едва добрался, порезал его кто-то.

Тот переступил с ноги на ногу, но с места не сдвинулся.

— И тебе заплачу! Вот ведь добрые люди бывают — за мзду завсегда слабой женщине помогут, — с раздражением бросила Нина.

Водонос хмыкнул и направился вдоль улицы. Вода в заплечном высоком кувшине мягко булькала.

Нина крикнула ему вслед:

— Только приведи поскорее, как бы... — Она оборвала себя, оглянувшись на неподвижно лежащего незнакомца, понизила голос: — И святого отца пускай приведет. Негоже человеку без покаяния умирать-то.

Она шагнула в аптеку и повернулась к Митрону. Он вздохнул и, поминая святых, махнул апте-

¹ С и к о ф а н т — доносчик, здесь: дознаватель, сыщик (примеч. авт.).

карше, чтобы подсобила. Присел рядом с истекающим кровью человеком, подсунув руки под спину и колени, с трудом поднял, покачнулся. Нина, поддерживая голову и плечи несчастного, подбородком указала на застеленную холстиной скамью в дальнем углу аптеки. Водонос, кряхтя и отдуваясь, положил раненого туда. Нина тем временем разожгла светильник, поставила ближе к скамье. Кровь пропитала сложенную холстину. Нехорошо.

Помня про обещанную плату, Нина отвернулась, достала с полки ларец с мелкими деньгами и записями заказов. Протянула Митрону пару нуммиев¹. Он торопливо схватил их.

Взглянул на нее, отвел глаза, затараторил:

— Ты бы, Нина, волосы-то прибрала. Хоть ты и аптекарша, а все равно непристойно так-то. Сейчас уважаемые люди придут, а ты вон...

Нина его прервала:

— За помощь благодарствую, а советов твоих я не спрашивала. Ступай.

Митрон открыл было рот, но Нина молча указала на дверь. Он, ворча на неблагодарную аптекаршу, вышел и подхватил свой кувшин.

Нина закрыла за ним дверь и кинулась к раненому. Разожгла глиняный светильник, поставила поближе к ложу. Сняла холстину, обмыла рану. Как сумела, свела края разреза, приложила тряпицу с присыпкой, что кровь останавливает, замотала потуже. Сюда бы лекаря, кто в ранах

¹ Нуммий, нуммус — мелкая медная монета (примеч. авт.).

сведущ, кто с армией императорской имеет дело. А она что — всего лишь аптекарша, травы да при-тирания в ее ведении. Авось сикофант догадается и лекаря привести с собой.

Нина срезала остатки туники, смыла кровь, внимательно осмотрела еще раз. Порезов больше нет. Рука несчастного тяжело соскользнула со скамьи, повисла. На внутренней стороне его плеча Нина заметила синяк. Нет, не синяк.

Она всмотрелась, поднесла светильник поближе. Рисунок, вбитый в кожу, какие у арабов иногда встречаются. Кругляшок с вязью, палка его пересекает. Не палка, а как будто меч с рукоятью. Воинский знак какой-то. Нина бережно положила руку раненого вдоль тела.

Мужчина дышал еле слышно. Кожа его отличалась бледной синевой, темные волнистые волосы прилипли к лицу, сухие серые губы были приоткрыты. Нина укрыла его своим теплым плащом и поспешила поставить воду на очаг. Спустилась в подпол за отваром из ивовой коры, что недавно готовила по иной надобности. Налила в чашу отвара, добавила сонного зелья. Приподняв голову раненого, сумела влить несколько капель снадобья ему в приоткрытый рот, посмотрела на шею. Кадык слабо дернулся, значит, проглотил. И то ладно. А ну как отпоит она его, может, он и справится. А нет — так на все воля Божья. Нина вздохнула, подняв глаза к иконе.

Пока потихоньку, по каплям отпаивала несчастного, вспомнилось ей, как вот так же безнадежно суежилась она возле умирающего мужа несколько лет назад.

Анастас-аптекарь, возвращаясь из путешествия через Понт Эвксинский¹, попал в кораблекрушение. Другой корабль подобрал его, умирающего, да привез в Константинополь. Только и успела попрощаться. Насилу потом оправилась от горя. Но добрая подруга Гликерия, покупательницы да отзывчивые соседи помогли — вытянули ее из горького отчаяния. Аптеку у нее тогда город едва не отобрал — женщинам свое дело вести воли еще не было. Но сумела она столковаться и с гильдией, и с эпархом². Богатые покупательницы, что заказывали Нине притирания для лица и тела, тоже за нее слово замолвили. Через подношения и доброе слово в большом городе многое можно сладить, а договариваться Нина умела.

Влив в раненого с четверть чаши, Нина отставила отвар в сторону. Дыхание несчастного было прерывистым, еле заметным.

Аптекарьша перекрестилась, подняв глаза к иконе. Вздохнув, она загородила лавку широким куском холстины, что цеплялась к крюкам, вбитым в потолок, вытерла тряпицей кровь на полу. Волосы мешали, выбившись из небрежно завязанного узла. Нина спохватилась, что надо бы в самом деле и себя прибрать. Люди придут, а почтенной женщине не дело распущенными кудрями трясти. Ушла в каморку, где спала да сундуки с одеждой держала. Подпоясала столу, чтобы не мешалась,

¹ Понт Эвксинский — др.-греч. название Черного моря (*примеч. авт.*).

² Эпарх — градоначальник Константинополя (*примеч. авт.*).

замотала на голове платок. Руки дрожали, волосы выскальзывали из-под тонкой ткани.

Выйдя обратно, опять проверила незнакомца. Тот так и лежал в беспамятстве.

Нина, вспомнив, что он про кольцо упоминал, глянула на его руки. Ногти посинели уже. И ни одного кольца.

Раненый вдруг застонал, пальцы его зашевелились, как будто искали что. Аптекарьша наклонилась к бледному лику мужчины, схватила отвар, попыталась напоить.

Он распахнул глаза и хрипло произнес: «Кольцо забери...» И, судорожно выдохнув, застыл.

Шепча молитву, Нина достала из ларца отполированную серебряную пластинку, поднесла к губам мужчины. За время молитвы ни пятнышка не появилось на гладкой поверхности. Она перекрестилась, закрыла несчастному глаза. Опустив голову, присела на скамью рядом с покойным.

От своего бессилия и бесполезности Нина едва не застонала. Была бы она настоящим лекарем, может, и спасла бы пришедшего к ней за помощью.

Она вздохнула, вспомнив последние слова незнакомца, взяла остатки разрезанной туники, прощупала — нет ли потайных нашивок, не спрятано ли чего в швах. Она аккуратно сняла с раненого вышитые на арабский манер сапоги-кампаги, осмотрела их. Подцепив ножом изнутри подошву, проверила, нет ли потайного углубления. Тоже пусто. Штаны снимать с него не

стала, лишь швы и пояс прощупала. Ежели все снимать да обмывать — ей одной все равно не справиться, надо звать на подмогу кого. Вот придет сикофант, погрузят почившего на носилки, отнесут в монастырь. Там обмоют, переоденут, а если не найдутся родственники, то и похоронят.

Нина задумалась. Ведь нет никакого кольца при нем. Странно это. Что ж он так беспокоился?

Глава 2

Отвар от болей в спине

Порубить два сухих корня валерианы, бросить в секстарий кипящей на малом огне воды. Сухих крапивных листьев добавить одну меру да четверть меры сухих цветков пижмы. Прочитать молитву за здравие трижды, с очага снять, дать остыть. Пить поутру, пополудни да на закате. Для женщин в тяжести надобно готовить отвар без пижмы. А сухие цветы пижмы отдельно от других трав сушить и хранить следует, потому как ядовиты они.

Из аптекарских записей Нины Кориари

Уже вовсю цвело жаркое константинопольское утро со всеми его звуками и запахами. В открытое окно доносились крики уличных торговцев, зычно предлагающих первым прохожим лепешки, сыр, яблочную воду. Слышны были восторженные вопли мальчишек, нашедших наконец потерянную собачонку. Утренний ветерок гонял по улицам ароматы стряпни, которую хорошие хозяйки или их прислуга уже подают к завтраку.

У Нининой аптеки начали собираться любопытствующие, обсуждая кровавый след на мостовой и размазанную кровь на деревянной двери.

Наконец пришел сикофант с помощником да двумя стражниками-равдухами, что служат эпарху для ареста и сопровождения преступников. А у аптеки уже собралась небольшая толпа. Кулашки успели переругаться, обсуждая, что не то аптекаршу убили, не то ее подмастерья. Иные высказывали мысли по поводу возможного любовника, что уколошил обоих. Так что к приходу сикофанта у болтунов уже сложилась история, которую каждый спешил рассказать представителю власти.

Равдухи разогнали толпящихся, а недовольный сикофант вошел в аптеку, по-хозяйски распахнув дверь.

Нина подняла голову от ступки, в которой растирала семена аниса и лаванды, отложила пестик. Поднялась из-за стола, склонила голову:

— Спасибо, что так скоро пришел, почтенный Никон.

Тот посмотрел на нее быстро, но внимательно, словно проверяя, что все в порядке. Взгляд его задержался на черном локоне, выбившемся из-под платка и прилипшем к влажной от жары шее женщины. Он отвел глаза. Нина невольно потянулась рукой к шее, смутившись.

Шумно выдохнув, Никон с сердитым видом плюхнулся на скамью с подушками у аптекарского стола.

Знакомая уже с его дурным настроением на голодный желудок, Нина молча положила на плоскую широкую миску куски вчерашнего хлеба и твердый соленый сыр. Не произнеся ни слова, села, опустила голову и продолжила

растирать ароматные зерна. Пестик в ее руке подрагивал, колотясь в ступке сильнее, чем надо бы.

Никон фыркнул, но взялся за хлеб и сыр. С полным ртом пробормотал:

— Рассказывай, Нина. Куда опять влезла?

— Я, уважаемый Никон, утром дверь в аптеку лишь открыла. А на пороге умирающий сидел, к моей двери привалившись. Сколько он там сидел — неизвестно, но, судя по тому, сколько крови натекло, не шибко долго. Порезали его далеко от моего дома. Он кровью истек. Рана в животе глубокая, справа, острым ножом нанесена, как будто вверх маленько. Нутро задела. С такой раной выжить никому не суждено. Одежда вся кровью пропиталась. Видать, добирался, бедолага, из последних сил.

— А почему к тебе полз? Откуда ты его знаешь? — Взгляд Никона скользнул по ее лицу, спустился к вороту туники.

Аптекарьша опустила глаза:

— Почему ко мне — одному Богу известно. Может, знал, что аптека тут? Да и вывеска вон висит же. Знать его не знаю. По речи и одежде — ромей¹, а сапоги арабские. И в соли сапоги, видать, из гавани пришел.

— И кто его зарезал, не знаешь?

— Откуда же мне знать, почтенный Никон? Я женщина порядочная, по ночам сплю, с разбойниками не шастаю.

¹ Ромей — житель Восточной Римской империи, позже названной Византией (примеч. авт.).

— Знаю я, как ты спишь по ночам, — буркнул Никон.

Нина покраснела, отставила ступку.

— А ежели ты старую историю вспоминаешь¹, — понизила она голос, — так грех тебе. Если бы я тогда по ночным улицам не пробиралась ко дворцу, так ни меня, ни императора в живых бы сейчас не было.

Она сердито сложила руки на груди. Никон поднялся и отряхнул крошки с туники.

— Показывай своего раненого.

— Так он уж не раненый, а почивший. Дух испустил. — Она перекрестилась, опустив глаза.

Нина провела Никона за холстину, что перегородила комнату.

Сикофант сморщил нос. Запах и правда был тяжел.

— Это его сапоги? Сняла зачем?

— Он беспокоился очень, все про кольцо какое-то говорил. Вроде как забрать его надо да отдать кому-то. А кому — не сказал. Вот я кольцо и искала.

— И где кольцо?

— Да в том-то и дело, почтенный Никон. Нет кольца. В тунике нет, пояса на нем не было, плаща тоже, ни кошель, ни сумы. В сапогах ничего не спрятано.

Сикофант угрюмо посмотрел на нее.

Нина поправила платок, сжала ворот стола, но взгляд не отвела.

¹ События описаны в первой книге «Яд Империи» серии «Убийство в Византии».

— И зачем ты кольцо искала? Почему меня не дождалась?

— Волновался он очень. Я подумала, может, он невесте или жене своей нес кольцо. Или матери. Вот и искала, чтобы никто не обобрал его. Я ж не знала, что именно ты придешь...

— Кольцо, значит. Врешь ведь, небось, нашла да спрятала? Вы, женщины, на украшения падки, знаю я вас.

Никон шагнул к ней ближе, не отводя взгляда:

— Я сейчас велю твою аптеку обыскать. Говори, где кольцо припрятала?!

Нина отступила в испуге, широко перекрестилась на икону.

— Богом клянусь, не было при нем никакого кольца! Если бы я про кольцо не упомянула, ты и не знал бы, что оно пропало. Стала бы я про него говорить, если сама и украла?!

— А может, не аптеку, а тебя обыскать надобно? — произнес сикофант чуть тише, склонившись к ее лицу. Глаза его задержались на ее судорожно сжатом вороте, скользнули ниже.

Нина задержала дыхание от возмущения. Голос ее зазвучал низко, презрительно:

— В твоей власти и меня обыскать. Сам до такого непотребного дела опустишься или равдухов заставишь беззащитную аптекаршу позорить?

Никон выпрямился, отвел взгляд. Почесав бороду, шумно выдохнул:

— Вот что ты за женщина такая — вечно куда-нибудь влезешь, куда порядочной горожанке не следует.

— Так он же сам ко мне на порог пришел! Чем же я виновата? — Нина говорила сердито, отворачивалась от сикофанта. — А уж насчет того, куда влезу — нам, аптекарям, порой в такие места влезать приходится, я тебе даже рассказывать не буду.

Увидев, как сикофант прищурился, Нина заговорила снова:

— Облегчить-то умирающему последние часы да кольцо его невесте или матери передать — это дело благое, не зазорное. Ты, почтенный Никон, коли дознаешься, кто он, проследи — если найдется кольцо, чтобы оно до родни дошло. Уж очень он волновался, только ни кто порезал его, ни имени своего не назвал. Все про кольцо и твердил.

Она сыпала словами, смущаясь под тяжелым взглядом Никона.

Помолчав с минуту, сикофант недовольно буркнул:

— Одни хлопоты с тобой, аптекарша.

Кликнув стражников, велел, чтобы погрузили тело почившего на носилки и сопроводили к эпарху.

Никон шагнул было за ними, но в дверях развернулся. Помявшись, прошел к сундуку и уселся опять.

Нина настороженно примостилась на скамью напротив.

— Ты, Нина, это... — Он отвел от нее взгляд, потер смущенно шею. — Ты остерегись пока. Где один убит, там и ты в беду опять попасть можешь. Двери кому попало не открывай. Да одна по улице не ходи.

— Как же мне двери не отпираться-то? Я ж аптекарша. А ежели кто за помощью придет? — растерялась Нина.

— Остерегись, говорю. Если что заметишь чудное — за мной сразу пошли Фоку своего. Я приду. — Он вздохнул. — И про убийство помалкивай. Не зови беду на порог. Нечего лишний раз языком молоть. Мало ли в большом городе происшествий.

— Грешно тебе такое говорить, почтенный Никон. Мой язык тебе обвинить не в чем. Да только вся улица про убийство знает, их языки-то мне не остановить.

Никон покачал головой, тяжело поднялся. Снова окинув Нину взглядом, хотел что-то сказать. Но сжал губы и шагнул за порог.

Закрыв за сикофантом дверь, Нина опустилась перед иконой на колени, зашептала молитву.

Тяжко смерть чужую наблюдать, еще тяжелее, когда сделать ничего не можешь. Бывало, что звали Нину к безнадежно больным, к умирающим. На чудо надеялись. А откуда она чудо-то возьмет? Травы да отвары не помогут, ежели лихорадка уже смерти дорожку выстелила. Но Нина себя все одно корила. Не смогла, не успела! Глупая баба, а не аптекарша! Вот и сейчас вроде ничего уже сделать нельзя было, а сердце как камнем заковано, аж дышать трудно.

А тут еще Никон ее в смятение вгоняет своими взглядами. Грешно так на женщину смотреть, жена его за такое, небось, не похвалит, да и Нине с этого одно беспокойство.

Немного успокоившись, Нина пошла прибраться. А то прямо не аптека, а лавка мясника. Да и в баню сходить неплохо бы.

Аптекарьша распахнула дверь пошире, чтобы впустить свежего воздуха.

В дверном проеме появилась худенькая фигурка подмастерья. Видать, Фока матери уже по хозяйству помог, прибежал подработать у аптекарши. Нина его отправила за водой, снабдив бадейкой да куском холстины пожестче. Велела оттереть дверь и крыльцо. А заодно и смыть кровавый след с мостовой вокруг.

Управившись с уборкой и оттерев руки жесткой холстиной с мыльным корнем, Нина вспомнила, что еще не ела ничего, а солнце вон уже подходит к полудню.

Наскоро перекусила хлебом и оливками, села за стол готовить заказы. Вспотевший Фока приволок обратно пустую бадейку, вынес на задний дворик. Уселся напротив Нины, потянулся к хлебу. Нина, не поднимая головы, шлепнула его по руке:

— Чумазыми руками хлеб хватать не след. Отмой сперва.

— Дак я ж только что мыл, вместе с крыльцом и руки отмылись.

— Чистой водой руки вымой, недосуг мне опять тебе отвар от недержания варить.

Фока нехотя встал с сундука, вышел во дворик. Через секунду оттуда послышался звон разбитой посуды.

— Да чтоб тебя перекосило! — подскочила Нина. — Что ты опять разбил, оболтус?